

Ю.С. Ершов

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

С самого начала рыночных реформ пространственная структура экономики Российской Федерации стала изменяться намного быстрее, чем это происходило в советские времена. В статье рассматриваются особенности периода 1999–2013 гг. в части формальных (регистрируемых статистикой в текущих ценах) и реальных изменений в пространственной структуре экономики, рассчитанных по индексам физического объема, изменениям пространственной структуры численности занятых в экономике и динамики электропотребления. Сделан вывод, что реальные изменения в пространственной структуре экономики существенно менее значительны, чем изменения, регистрируемые статистикой, вследствие того, что регион регистрации итогов экономической деятельности не всегда совпадает с регионом, где фактически осуществляются производство и транспортировка продукции. Показан и другой аспект рассматриваемой проблемы – очень высокая межрегиональная дифференциация душевых показателей ВРП. Главная причина такой дифференциации – огромные межотраслевые различия в показателях добавленной стоимости на одного занятого. Эти различия неустранимы, и при сложившейся специализации регионов, которая не может быть заметно изменена, существующие межрегиональные различия в душевых показателях производства сохранятся и в перспективе.

Ключевые слова: регион, пространственная структура экономики, межрегиональная дифференциация, номинальные показатели роста, индексы физического объема, реальное размещение производительных сил

Проблемы межрегиональных сопоставлений в отечественной экономической науке стали вызывать повышенный интерес с конца 1980-х годов, когда Госкомстат СССР опубликовал итоги расчетов

межреспубликанских товарных потоков, их сальдо во внутренних и мировых ценах. До регионов союзных республик исследование данных проблем не доходило из-за отсутствия необходимых для этого показателей. Одним из важных представлялся вопрос о причинах значительных межреспубликанских различий в душевых показателях производства при примерно одинаковом уровне используемых технологий. Мы в своих работах предпринимали попытки выявить причины неэквивалентности межреспубликанского товарообмена, обусловленные спецификой советского ценообразования¹. Специальные исследования, проведенные на базе информации из отчетных межотраслевых балансов союзных республик, показали степень взаимозависимости региональных экономик и тот факт, что межрегиональное экономическое сотрудничество может быть взаимовыгодным и без эквивалентного товарообмена [3]. Эти исследования были анализом ретроспективы. Новый этап межрегиональных исследований, практический интерес к которым появился лишь в начале 2000-х годов, отличался попытками дать более объективную характеристику межрегиональных пропорций и различий, чем вытекающую из простого сопоставления номинальных показателей. Такие исследования наиболее интенсивно проводились в СОПС и ИЭОПП СО РАН [1–3; 6]. Помимо простой констатации межрегиональных различий все большее внимание уделялось их объяснению, объективному описанию этих различий, обусловленных особенностями рыночной экономики, и выявлению специфики распределения итогов экономической деятельности между ее субъектами. Отдельным направлением исследований в этой области стали также работы, связывающие результирующие показатели региональных экономик со степенью урбанизированности регионов [4; 5].

Реформа цен в 1991 г. и последующий переход к рыночному ценообразованию, либерализация внешней торговли привели к предсказуемым результатам: пространственная структура экономики измени-

¹ См.: *Еришов Ю.С.* Межреспубликанский аспект развития экономики СССР накануне раздела страны // *Экономика регионов: внутренние возможности и ресурсы взаимодействия* / Отв. ред. В.И. Суслов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1998. – С. 3–29; *Бобылева Н.В., Еришов Ю.С.* Население, трудовые ресурсы и уровень жизни в 80-е годы (межреспубликанский анализ) // Там же. – С. 30–63.

лась в пользу регионов – производителей и экспортеров топлива, металлов и другой продукции, имеющей спрос на внешнем рынке. Если бы ВРП рассчитывался с 1990 г., то наверняка имело бы место увеличение долей Уральского, Сибирского, Дальневосточного макрорегионов и других ресурсных регионов в суммарных показателях. Но после 1995 г. все процессы изменения пространственной структуры экономики пошли в прямо противоположном направлении: большинство восточных и северных регионов стали стремительно сдавать свои позиции. Эти же тенденции сохранялись и в последующем – при переходе на позитивную траекторию экономического роста.

Период 1999–2013 гг. отличался очень высокими среднегодовыми показателями роста физического объема ВВП. На фоне относительно высоких темпов роста ВВП имели место и высокие темпы роста ВРП во всех федеральных округах. Номинальный суммарный ВРП за этот период вырос в 24 раза, а реальный, если его динамику оценивать как произведение годовых индексов физического объема, – в 2,15 раза (табл. 1)².

Как следует из данных, приведенных в табл. 1, межрегиональные различия в динамике номинального ВРП намного больше, чем различия в динамике его физического объема. Естественный вывод из подобных соотношений состоит в том, что показатели изменения пространственной структуры производства (табл. 2), исчисленные в текущих ценах, далеко не всегда отражают реальные изменения в размещении производства. На изменения пространственной структуры существенно влияли как изменения относительных цен (разные темпы их роста в разных регионах как следствие дифференциации отраслевых темпов роста основных цен), так и изменения институциональной среды в части мест регистрации доходов и их распределения между непосредственными производителями и другими участниками экономической деятельности, начавшиеся во второй половине 1990-х годов с созданием вертикально интегрированных корпораций. Главным следствием этих изменений стало увеличение в суммарном ВРП доли Центрального федерального округа (фактически – Москвы: 24,3% в 2008 г. против

² См. статистические сборники «Национальные счета России» за 2007–2014 гг.

Таблица 1

**Темпы роста номинального и реального валового регионального продукта
за период 1999–2013 гг., раз**

Федеральный округ	Номинальный ВРП		Реальный ВРП	
	Рост	Место ФО	Рост	Место ФО
РФ	24,0	–	2,15	–
Центральный	29,9	1	2,28	3
Северо-Западный	23,2	5	2,23	4
Южный	26,2	3	2,44	2
Северо-Кавказский	27,1	2	2,87	1
Приволжский	19,9	6	2,03	6
Уральский	24,2	4	2,05	5
Сибирский	18,3	8	2,00	7
Дальневосточный	19,5	7	1,88	8

Таблица 2

Пространственная структура суммарного валового регионального продукта, %

Федеральный округ	1998	2000	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Центральный	28,17	32,01	37,38	35,63	35,67	35,39	34,92	35,13
Северо-Западный	10,69	10,05	9,99	10,67	10,46	10,54	10,51	10,34
Южный	5,98	5,73	5,90	6,23	6,20	6,12	6,38	6,53
Северо-Кавказский	2,23	1,83	2,15	2,46	2,37	2,35	2,42	2,52
Приволжский	19,10	18,02	15,70	15,39	15,16	15,53	15,75	15,87
Уральский	14,02	15,05	14,20	13,62	13,58	13,91	14,22	14,16
Сибирский	13,41	11,94	10,15	10,59	10,96	10,58	10,39	10,25
Дальневосточный	6,40	5,37	4,53	5,41	5,60	5,58	5,41	5,20

9,7% в 1995 г.). На длительность и масштабы концентрации добавленной стоимости здесь сильно повлияло продолжительное и значительное улучшение внешнеэкономической конъюнктуры, приводящее

к увеличению доли доходов головных контор корпораций в суммарных доходах по соответствующим видам экономической деятельности.

В этой связи следует констатировать, что оценка изменений пространственной структуры производства по текущим ценам далеко не всегда отражает реальные изменения в размещении производительных сил. Логично предположить, что более достоверные показатели ее изменения можно получить при использовании для расчетов индексов физического объема. Данные табл. 3 иллюстрируют те изменения структуры суммарного ВРП, которые должны были иметь место при отсутствии изменения относительных цен и перемен в географии регистрации итогов экономической деятельности. Динамика за каждый период оценивается производением индексов физического объема ВРП, причем в связи с неоднократным изменением базового года и цен имеет место определенная условность в оценке темпов роста за период. Но каких-либо бесспорных показателей индексов физического объема нет.

Сравнение изменений в пространственной структуре по текущим ценам, и тех, которые показывают расчеты по индексам физического объема, приводит к выводу о том, что реальные изменения структуры производства существенно менее значительны, чем следующие из номинальных показателей. Центральный федеральный округ к 2013 г.

Таблица 3

Пространственная структура суммарного валового регионального продукта при оценке ее изменений по индексам физического объема, %

Федеральный округ	1998	2000	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Центральный	28,17	29,48	31,54	30,32	29,84	29,64	29,82	29,76
Северо-Западный	10,69	10,80	10,90	11,14	11,11	11,18	11,26	11,09
Южный	5,98	6,31	6,49	6,49	6,53	6,60	6,64	6,78
Северо-Кавказский	2,23	2,21	2,67	2,91	2,88	2,91	2,92	2,97
Приволжский	19,10	18,67	17,44	17,38	17,52	17,73	17,91	18,01
Уральский	14,02	13,61	13,44	13,32	13,59	13,48	13,27	13,32
Сибирский	13,41	12,91	12,12	12,53	12,50	12,44	12,43	12,47
Дальневосточный	6,40	6,01	5,40	5,91	6,03	6,02	5,76	5,60

увеличивает свою долю лишь на 1,6 п.п. по сравнению с 1998 г., менее значительны потери Дальневосточного и особенно Приволжского и Сибирского округов. Вместе с тем имеет место естественная закономерность: если в целом за длительный период регистрируются повышенные (пониженные) темпы роста номинального ВРП, то индексы физического объема также будут повышенными (пониженными). Благоприятные для региона изменения относительных цен и в распределении (регистрации) доходов облегчают достижение более высоких индексов физического объема. Исключением здесь стал лишь Уральский федеральный округ благодаря Тюменской области, где главная отрасль экономики – нефтедобыча в последние годы имеет отрицательные индексы роста, что негативно сказывается и на сопряженных отраслях: относительная стабильность доли УФО в суммарном ВРП обеспечивалась за счет ценового фактора.

Таким образом, если согласиться с утверждением, что оценка изменений пространственной структуры по индексам физического объема ВРП действительно отражает реальные изменения в размещении производства, то следует вывод о том, что на протяжении рассматриваемого периода значительных изменений в пространственной структуре экономики в целом не произошло, а изменения, следующие из показателей табл. 3, более правдоподобны, чем рассчитанные по номинальным показателям.

Тем не менее и индексы физического объема не всегда можно считать идеальными показателями. Обеспечить полное отсутствие влияния на них фактора простой смены мест регистрации доходов, не сопровождаемой изменениями в реальном производстве и товародвижении, практически невозможно. Поэтому сформулированный выше вывод об относительной стабильности пространственной структуры экономики в целом целесообразно подкрепить и опираясь на другие показатели. Одним из наиболее подходящих для этого показателей на первый взгляд представляется пространственная структура основных фондов. Но их статистика не выдерживает тестирования на предмет пригодности для этой цели. Основные фонды регулярно переоцениваются, причем в разных регионах на разную величину. Кроме того, имеют место значительные изменения их структуры даже в пределах

двух соседних годов и, по-видимому, факты «приписки» их не к регионам фактического местоположения, а к регионам регистрации предприятий, которым они принадлежат. Основные фонды Центрального федерального округа наверняка переоценены, а точнее, по более высоким ценам оценивается их пассивная часть: доля наиболее фондоемких видов деятельности в этом округе намного ниже, чем в среднем по России. Как ни велика роль российской столицы в таком виде деятельности, как торговля, поверить в то, что на ее территории сосредоточена в физическом смысле почти половина оборудования, зданий и сооружений этой отрасли, невозможно. Равно как и в то, что здесь действительно находится 36% всех основных фондов по «остальным видам деятельности», в которых львиную долю составляют жилищный фонд и сопряженные с ним фонды образования и здравоохранения, в то время как при измерении в квадратных метрах на Москву приходится лишь около 7% общей площади жилых помещений. И наконец, изменения пространственной структуры основных фондов не связаны адекватным образом с изменениями в структуре инвестиций в основной капитал. В частности, имеет место необъяснимое противоречие между падением долей Южного и Северо-Кавказского федеральных округов в суммарном основном капитале и значительным ростом их долей в суммарных инвестициях.

Наиболее надежными обычно считаются натуральные показатели. Прямое отношение к реальным изменениям в размещении производства должны иметь изменения в пространственной структуре численности занятых в экономике (табл. 4).

Приведенные данные находятся почти в полной гармонии с изменениями в пространственной структуре ВРП, рассчитанными на основе индексов физического объема. Отметим также, что изменения в географии численности занятых заметно менее значительны, чем изменения в географии численности населения. Так, доля Дальневосточного федерального округа за период уменьшилась всего на 0,12 п.п. (в населении – на 0,47 п.п.), Сибирского – на 0,25 п.п. (в населении – на 0,55 п.п.), Северо-Западный округ потерял лишь 0,13 п.п. (в населении – 0,28 п.п.), а доля Центрального округа увеличилась на 0,82 п.п. (в населении – на 1,08 п.п.). На уровне отдельных субъектов Федера-

Таблица 4

**Пространственная структура среднегодовой численности занятых
в экономике, %**

Федеральный округ	1998	2000	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Центральный	27,01	27,47	27,77	27,57	27,55	27,63	27,68	27,83
Северо-Западный	10,10	10,24	9,98	10,03	10,01	9,99	9,97	9,97
Южный	9,03	8,94	9,06	9,10	9,05	9,05	9,12	9,13
Северо-Кавказский	4,10	4,10	4,73	4,82	4,90	4,98	5,00	5,04
Приволжский	22,28	22,03	21,42	21,35	21,25	21,18	21,09	20,94
Уральский	8,92	8,85	8,92	8,96	8,98	8,95	8,92	8,92
Сибирский	13,59	13,47	13,29	13,27	13,36	13,32	13,37	13,34
Дальневосточный	4,96	4,90	4,84	4,90	4,90	4,90	4,85	4,84

ции отмеченная закономерность проявляется еще более ярко. Так, население Чукотского автономного округа после 1998 г. сократилось на 30%, в то время как численность занятых здесь – лишь на 9%.

К другой группе натуральных показателей, которые могут быть связаны с реальными изменениями пространственной структуры экономики в целом, следует отнести товары, потребляемые предприятиями всех видов деятельности. В доступной статистике есть показатели потребления электрической энергии. Данные табл. 5 показывают структуру потребления с учетом потерь и потребления населением. Наиболее значимое увеличение электропотребления произошло в Уральском федеральном округе, что стало существенным фактором снижения долей большинства других округов. Эта динамика находится в определенном противоречии с динамикой ВРП в физическом выражении. Причиной такого противоречия стала ситуация в Тюменской области, а именно, быстрый рост электроемкости нефтедобычи, вследствие чего только за 2001–2013 гг. потребление электроэнергии в тюменской промышленности более чем удвоилось (75,6 млрд кВт час в 2013 г. против 34,1 млрд в 2000 г.). Если бы электропотребление в Уральском округе увеличивалось средними

Таблица 5

Пространственная структура электропотребления, %

Федеральный округ	1998	2000	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Центральный	19,70	19,66	19,81	20,12	20,26	19,80	19,60	20,04
Северо-Западный	9,98	9,91	9,82	10,24	10,35	10,25	10,32	10,22
Южный	5,98	5,74	5,85	5,90	5,97	6,06	5,99	5,92
Северо-Кавказский	1,89	2,01	2,33	2,29	2,24	2,18	2,08	2,20
Приволжский	20,56	20,10	19,20	18,40	17,93	18,50	18,55	18,67
Уральский	14,69	15,13	17,38	17,41	17,70	17,68	17,61	17,54
Сибирский	22,65	22,64	21,67	21,58	21,39	21,21	21,58	21,09
Дальневосточный	4,55	4,81	3,94	4,06	4,16	4,32	4,27	4,31

по России темпами, изменения пространственной структуры электропотребления стали бы ближе к изменениям пространственной структуры ВРП, рассчитанным по индексам физического объема.

Таким образом, несмотря на возможность появления определенных погрешностей, оценки реальных изменений пространственной структуры экономики в целом по рассмотренным выше показателям подтверждают целесообразность использования для этой цели индексов физического объема. Общий основной вывод сохраняется прежним: радикальных изменений в реальном размещении производительных сил в целом за рассматриваемый период не произошло. Имел место определенный сдвиг в пользу западных и южных регионов, и, соответственно, в формировании суммарного ВРП снизилась роль Приволжского и всех восточных федеральных округов.

Влияние ценового фактора и изменений институциональной среды в части распределения доходов между непосредственными производителями и прочими участниками экономической деятельности на изменения пространственной структуры с течением времени ослабевало, межрегиональные различия в индексах физического объема ВРП уменьшались. В целом за 15 лет различия между максимальными и минимальными среднегодовыми индексами физического объема по окру-

гам составили 2,8 п.п., в то время как в начале прошлого десятилетия (2000–2003 гг.) они достигали 4,0 п.п. Следует также отметить, что многие показатели пространственной структуры после 1998 г. изменились в меньшей мере, чем за 1991–1998 гг. В частности, если доля Центрального федерального округа по показателю занятых в экономике к 1998 г. по сравнению с 1990 г. увеличилась на 1,08 п.п., то за последующие годы ее увеличение составило лишь 0,81 п.п., для Северо-Западного округа снижение доли составило соответственно 0,21 и 0,13 п.п., для Сибирского – 0,30 и 0,25 п.п., для Дальневосточного – 0,41 и 0,13 п.п.

Более изменчива, чем у ВРП, пространственная структура промышленности, особенно в периоды кризисов и послекризисного восстановления. В таблице 6 показаны ее изменения при измерении выпуска в фактических ценах, в табл. 7 – при использовании индексов физического объема. Здесь, в отличие от сопоставления двух таблиц по показателю ВРП, имеют место не только количественные, но и качественные несовпадения трендов, т.е. влияние ценового фактора и особенностей статистической регистрации доходов на промышленности сказывается сильнее, чем на других отраслях. При использовании индексов физического объема доля Дальневосточного федерального округа заметно возрастает, при использовании фактических основных цен она снижается. Это противоречие может быть объяснено переходом на классификатор ОКВЭД, исключивший из промышленности лесозаготовку и рыболовство, поэтому минимальное значение доли региона приходится именно на 2005 г. На индексы физического объема фактор такого исключения не должен был оказать влияния, и поэтому доля Дальневосточного округа в табл. 7 в 2005 г. более чем в 1,5 раза превышает долю в фактических ценах, т.е. она завышена по сравнению с той, которая соответствует современному классификатору видов экономической деятельности.

На картину, отражающую пространственную структуру промышленности, рассчитанную по номинальным показателям, существенное влияние оказывает факт отнесения части итогов по виду деятельности «добыча полезных ископаемых» на Центральный федеральный округ (фактически – на Москву и по добыче топливно-энергетических ископаемых). В 2013 г. это более 1,3 трлн руб., в то время как еще в 2005 г.

Таблица 6

Пространственная структура промышленного производства, %

Федеральный округ	1998	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Центральный	20,95	19,90	23,02	26,94	26,49	26,10	25,65	25,24	28,30
Северо-Западный	11,33	11,71	10,76	10,62	12,24	12,38	12,64	12,94	12,39
Южный	5,03	4,72	4,92	5,23	4,99	5,00	4,86	5,08	5,06
Северо-Кавказский	1,28	1,17	1,10	1,02	1,19	1,10	1,07	1,05	1,03
Приволжский	24,40	24,15	22,09	21,26	20,16	20,11	20,54	20,43	19,85
Уральский	17,23	19,38	22,64	20,44	19,65	19,00	19,01	19,46	18,13
Сибирский	14,07	13,28	12,32	11,20	11,40	12,10	11,82	11,38	10,97
Дальневосточный	5,71	5,69	3,15	3,29	3,88	4,21	4,41	4,42	4,27

Таблица 7

Пространственная структура промышленного производства при оценке ее изменений по индексам физического объема, %

Федеральный округ	1998	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Центральный	20,95	23,29	26,78	26,17	25,79	25,66	25,67	25,79	25,07
Северо-Западный	11,33	10,43	11,85	11,86	11,79	11,71	11,68	11,51	11,31
Южный	5,03	5,51	5,35	5,99	5,68	5,66	5,79	6,02	6,18
Северо-Кавказский	1,28	1,41	1,38	1,50	1,65	1,62	1,60	1,59	1,70
Приволжский	24,40	23,79	21,02	21,08	20,94	21,74	22,22	22,35	22,54
Уральский	17,23	16,19	16,13	15,00	14,64	14,31	13,61	13,27	13,23
Сибирский	14,07	13,68	12,56	12,34	12,50	12,47	12,44	12,53	12,90
Дальневосточный	5,71	5,70	4,93	6,06	7,01	6,83	6,99	6,94	7,07

эта цифра была символической. Если «освободить» округ от этого показателя, то его доля в суммарном промышленном производстве уменьшится до 25%, соответственно вырастут показатели у добывающих топливно регионов, но насколько у каждого – на этот вопрос статистика ответа не дает.

Таблица 8

**Сравнительная характеристика реальных темпов роста производства
и потребления за период 1999–2013 гг., раз**

Показатель	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФФО
ВРП	2,15	2,28	2,23	2,44	2,87	2,03	2,05	2,00	1,88
Инвестиции	3,29	3,06	3,95	5,63	6,40	3,58	4,34	4,82	5,38
Розничный то- варооборот	3,12	2,27	3,00	3,88	4,47	3,23	4,01	3,09	2,80

Среди главных особенностей рассматриваемого периода, характерных для всех федеральных округов, следует отметить то, что весь этот период, и особенно промежуток до 2009 г., отличался значительным превышением среднегодовых темпов роста потребления (как «непроизводственного», так и инвестиций в основной капитал) над темпами роста производства (табл. 8). Из трех важнейших макропоказателей во всех округах самые высокие темпы имела динамика инвестиций, на втором месте – динамика розничного товарооборота (отсутствие превышения над темпами роста ВРП в Центральном федеральном округе обусловлено тем, что в начале периода значительную роль в объемах розничного товарооборота ЦФО играли покупки, совершаемые в столице жителями других округов).

Следует отметить, что в части показателей потребления изменения пространственной структуры в течение рассматриваемого периода были более значительными, чем в части показателей производства. Здесь изменения пространственной структуры, оцененные по номинальным показателям, почти идентичны изменениям, рассчитываемым по индексам физического объема, ввиду сравнительно небольших межрегиональных различий в темпах роста потребительских цен.

Пространственная структура сельскохозяйственного производства (табл. 9) намного более консервативна, а ретроспективные тенденции свидетельствуют о постепенном сокращении в суммарном производстве доли регионов с повышенными издержками, связанными с природно-климатическими условиями. Поскольку на динамику годовых показателей существенное влияние оказывают изменения погодных условий, логичнее оценивать изменения структуры по сред-

Таблица 9

Пространственная структура сельскохозяйственного производства, %

Федеральный округ	1994–1998	1999–2003	2004–2008	2009–2013
Центральный	23,26	21,60	21,76	23,68
Северо-Западный	6,44	5,59	4,88	4,85
Южный	11,43	14,24	15,82	15,73
Северо-Кавказский	5,23	6,86	7,45	7,65
Приволжский	26,19	26,20	25,06	23,98
Уральский	6,96	6,68	7,04	6,78
Сибирский	16,56	15,42	14,62	13,91
Дальневосточный	3,93	3,41	3,37	3,42

ним показателям за пятилетия. Межрегиональная дифференциация индексов цен на сельхозпродукцию намного меньше, чем дифференциация индексов цен на промышленную продукцию, поэтому изменения пространственной структуры в фактических ценах должны быть близки к реальным изменениям в размещении производства. Кроме того, в сельском хозяйстве нет вертикально интегрированных корпораций и регистрация всех итогов деятельности осуществляется по месту фактического производства.

Резюмируя сказанное об изменениях пространственной структуры экономики в разрезе федеральных округов, следует отметить в первую очередь, что в целом *произошедшие сдвиги в размещении производительных сил имели «антисеверо-восточный», или «проюго-западный», характер*. Несоответствие этому тренду сводных показателей по Северо-Западному округу целиком объясняется динамикой развития Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Если бы территории округов соответствовали прежнему экономическому районированию, то Северный экономический район показывал бы признаки относительного ухудшения по всем позициям. Это касается динамики не только макроэкономических показателей, но и многих важнейших частных. Прежде всего – заработной платы. Если, например, в Республике Коми в 1998 г. средняя заработная плата составляла

162% от среднероссийского уровня, то к 2012 г. этот показатель снизился до 128%, в Мурманской области он уменьшился с 163 до 136%, в Красноярском крае – с 145 до 108%, в Иркутской области – с 131 до 97%, в Республике Саха (Якутия) – с 228 до 150%, в Камчатском крае – с 225 до 164%, в Магаданской области – с 202 до 186%, в Чукотском автономном округе – с 311 до 228%.

И второе: изменения в реальном размещении производительных сил менее значительны, чем те, которые показывают значения номинальных статистических показателей. Эти выводы справедливы и для тех видов деятельности, география которых очень консервативна и приближена к пространственной структуре населения, в частности к пропорциям в размещении объектов образования и здравоохранения. При оценке по номинальным показателям (здесь главная составляющая добавленной стоимости – заработная плата) изменения пространственной структуры будут более значительны, чем при оценке по натуральным показателям – по численности лиц, получающих образовательные или медицинские услуги.

Федеральные округа занимают крупные территории, и поэтому межокружные различия в экономической динамике выражены намного слабее, чем при сопоставлении показателей по отдельным субъектам Федерации. В таблице 10 приведен список регионов, у которых темпы роста номинального ВРП превысили среднероссийские показатели. Таких регионов за рассматриваемый период было всего 20, и все они соответственно увеличили свою долю в суммарном ВРП. Регионов, у которых показатели роста физического объема опережали средние по России, значительно больше – 30 (в табл. 11 представлена лишь первая двадцатка лидеров). Все сопоставления здесь и далее выполнены без учета Чеченской Республики, для которой необходимые статистические данные отсутствуют.

В таблицах 10 и 11 жирным шрифтом выделены субъекты, вошедшие в группу лидеров и по номинальным, и по «реальным» показателям. Как видно, повышенные значения индексов физического объема не гарантируют увеличения доли региона в суммарном ВРП: у восьми таких субъектов из первой двадцатки темпы роста номинального ВРП были ниже средних по России. Также восемь субъектов из 20 увеличили свою долю в суммарном ВРП при отсутствии опережающих индек-

Таблица 10

Темпы роста номинального ВРП по субъектам – лидерам по динамике этого показателя за период 1999–2013 гг., раз

Сахалинская обл.	53,4	г. Санкт-Петербург	29,0
Республика Дагестан	50,6	Республика Сев. Осетия – Алания	28,7
Республика Ингушетия	44,1	Воронежская обл.	27,1
г. Москва	35,4	Республика Калмыкия	27,0
Калининградская обл.	33,0	Тюменская обл.	26,6
Ленинградская обл.	32,2	Оренбургская обл.	26,1
Краснодарский край	31,3	Астраханская обл.	25,8
Белгородская обл.	31,2	Пензенская обл.	25,7
Московская обл.	31,1	Еврейская авт. обл.	25,1
Калужская обл.	29,1	Ростовская обл.	24,4

Таблица 11

Темпы роста физического объема ВРП по субъектам – лидерам по динамике этого показателя за период 1999–2013 гг., раз

Республика Дагестан	4,57	Астраханская обл.	2,58
Ленинградская обл.	3,20	Архангельская обл.	2,56
Белгородская обл.	3,11	Республика Сев. Осетия – Алания	2,56
Сахалинская обл.	3,11	Новосибирская обл.	2,55
Ростовская обл.	2,80	Республика Адыгея	2,54
Калининградская обл.	2,79	Московская обл.	2,52
г. Санкт-Петербург	2,76	Калужская обл.	2,51
Тамбовская обл.	2,66	Омская обл.	2,49
Кабардино-Балкарская Респ.	2,66	Свердловская обл.	2,46
Краснодарский край	2,61	Саратовская обл.	2,42

сов физического объема. «Антисеверо-восточный» характер изменения пространственной структуры экономики подтверждается тем фактом, что из «северо-восточных» регионов лишь один – Сахалинская область попал в обе таблицы.

Не все различия между содержанием таблиц 10 и 11 можно объяснить наличными статистическими данными. В частности – непопадание Республики Ингушетии в лидеры по значению индекса физического объема при очень высоких темпах роста номинального ВРП. Скорее всего здесь имели место дефекты в расчетах ВРП республики в начале периода.

Аналогичные далеко не полные совпадения имеют место и между списками регионов – аутсайдеров по двум показателям экономического роста (табл. 12 и 13, жирным шрифтом выделены аутсайдеры по обоим показателям). Но главное, что бросается в глаза, – это то, что в обоих списках аутсайдеров слишком много северных и восточных регионов.

О возможных погрешностях в статистике кроме упомянутого выше случая Республики Ингушетии свидетельствуют, и еще более ярко, данные по Республике Калмыкии: аутсайдер по динамике «реального» ВРП оказался в лидерах по динамике номинального. Какие факторы могли иметь «прокалмыкский» характер, чтобы объяснить это явное противоречие, – на этот вопрос анализ макроэкономических показателей ответа не дает.

Расчет индексов физического объема ВРП более трудоемкий и сложный, чем расчет номинальных показателей, поэтому можно предположить, что ошибки в статистике с большей вероятностью могут иметь место в части оценки «реальных» показателей. В этой связи логично провести тестирование на предмет наличия противоречий между индексами физического объема и важнейшим натуральным показателем – динамикой численности занятых в экономике. В целом по Российской Федерации численность занятых за 15 лет увеличилась на 6,6%. На уровне федеральных округов тройка лидеров по индексу физического объема одновременно является и тройкой лидеров по динамике занятых: это Северо-Кавказский, Южный и Центральный округа, в которых темпы роста занятых превысили среднее по России значение. Напротив, тройка аутсайдеров – Приволжский, Сибирский

Таблица 12

Темпы роста номинального ВРП по субъектам – аутсайдерам по динамике этого показателя за период 1999–2013 гг., раз

Камчатский край	11,3	Республика Бурятия	16,0
Магаданская обл.	12,8	Хабаровский край	16,2
Мурманская обл.	13,6	Республика Коми	16,8
Кировская обл.	14,3	Костромская обл.	16,9
Вологодская обл.	14,4	Ставропольский край	16,9
Амурская обл.	14,6	Республика Саха (Якутия)	16,9
Самарская обл.	15,4	Пермский край	17,2
Кемеровская обл.	15,6	Орловская обл.	17,3
Республика Карелия	15,7	Курганская обл.	17,4
Иркутская обл.	15,8	Тверская обл.	17,4

Таблица 13

Темпы роста физического объема ВРП по субъектам – аутсайдерам по динамике этого показателя за период 1999–2013 гг., раз

Мурманская обл.	1,13	Вологодская обл.	1,61
Магаданская обл.	1,18	Костромская обл.	1,66
Камчатский край	1,23	Удмуртская Республика	1,66
Кировская обл.	1,41	Курганская обл.	1,66
Республика Коми	1,47	Ивановская обл.	1,68
Республика Хакасия	1,52	Самарская обл.	1,69
Республика Карелия	1,54	Чувашская Республика	1,70
Республика Калмыкия	1,54	Республика Тыва	1,72
Кемеровская обл.	1,58	Приморский край	1,74
Амурская обл.	1,61	Псковская обл.	1,74

и Дальневосточный округа одновременно составляют тройку аутсайдеров по динамике численности занятых.

В целом по группе субъектов – лидеров по индексу физического объема опережение по динамике численности занятых имеет место. У половины из этой двадцатки численность занятых увеличилась более чем на 6,6%, еще у шести субъектов она также увеличилась, хотя и на меньшую величину, а у четырех – Тамбовской, Омской, Саратовской областей и Республики Адыгеи численность занятых сократилась. Этот факт дает первое основание усомниться в достоверности высоких индексов физического объема ВРП для упомянутых четырех субъектов. Второе существенное основание – это то, что ни один из них не попал в группу лидеров по динамике номинального ВРП. Кроме того, в Омской и Саратовской областях имеют место заметно пониженные по сравнению со среднероссийскими темпы роста электропотребления, а в Тамбовской оно вообще уменьшилось на 7%.

В группе аутсайдеров по индексу физического объема в целом отмечается снижение общей численности занятых. Она уменьшилась в 13 субъектах, а в остальных семи хотя и выросла, но в меньшей степени, чем по России в целом. Ни в одном из субъектов этой группы не было роста занятости темпами, опережающими средние по стране. У семнадцати субъектов этой группы динамика электропотребления либо отрицательная, либо пониженная, и лишь в трех субъектах темпы роста электропотребления превысили средние по стране – в Республике Хакасии, Удмуртской Республике и Приморском крае. Все эти три субъекта не попадают в группу аутсайдеров по динамике номинального ВРП, все имеют положительные темпы прироста численности занятых, хотя и пониженные, но не символические – соответственно 3,0, 4,0 и 2,8%. Основания полагать заниженность у этих субъектов индексов физического объема есть, но они не такие серьезные, как сомнения в данных по четырем субъектам из группы лидеров.

Количество субъектов Федерации, у которых показатели душевого ВРП превышали средние по России, в 1998 г. составило 20, в 2012 и 2013 гг. сократилось до 15. Процесс сокращения числа самых благополучных регионов, начавшийся в середине 1990-х годов (в 1995 г. таковых было 26), фактически прекратился в середине прошлого десятилетия. Если взять показатели душевого ВРП в реальном выражении,

то с учетом межрегиональной дифференциации цен число благополучных регионов еще меньше: ясно, что 396 тыс. руб. на человека в Мурманской области или 411 тыс. на Камчатке – это меньше, чем 376 тыс. по России. Уменьшение числа регионов с повышенными показателями душевого ВРП практически целиком объясняется увеличением долей Москвы и Тюменской области. Если за базу взять средний показатель по остальным регионам, то число субъектов, у которых душевые ВРП превышают эту базу, на протяжении всего периода остается относительно стабильным – около 30. Лидер по душевому ВРП в 2013 г. – Тюменская область, аутсайдер – Республика Ингушетия. Такие же позиции эти регионы занимали и в 1998 г., лишь сократился разрыв в показателях с 17 до 14 раз.

Межрегиональная дифференциация душевых показателей производства наглядно демонстрирует, что ее главной причиной *не являются различия в уровнях используемых технологий и квалификации рабочей силы*. Также она не может быть объяснена различиями в возрастной структуре населения в части соотношения общей численности и численности в трудоспособном возрасте или разными уровнями экономической активности населения. Главная причина – *огромная дифференциация показателей производительности труда по разным видам экономической деятельности* (табл. 14).

Экономически благополучными в современной России являются регионы, либо обладающие уникальными природными ресурсами, либо специализирующиеся на самых выгодных видах деятельности, прежде всего на финансах и оптовой торговле. Плюс к тому отдельные регионы попадают в лидеры из-за северного удорожания цен. В порядке убывания показателя душевого ВРП группу экономически благополучных регионов в 2013 г. составили Тюменская и Сахалинская области, Москва, Чукотский АО, Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Республика Коми, Санкт-Петербург, Красноярский край, Архангельская область, Камчатский край, Республика Татарстан, Мурманская, Ленинградская и Томская области. Почти все эти регионы постоянно находились в группе лидеров и в предшествующие годы.

Относительно стабилен и состав группы аутсайдеров. У восемнадцати субъектов показатель душевого ВРП составляет менее половины от среднего по России. Это, в порядке возрастания показателя,

Таблица 14

Показатели добавленной стоимости в расчете на одного занятого по видам экономической деятельности в 2012 г.

Вид экономической деятельности	Тыс. руб.	% от среднего
В целом по экономике	780,0	–
Сельское и лесное хозяйство	306,0	39,2
Рыболовство и рыбоводство	726,4	93,1
Добыча полезных ископаемых	5396,3	691,8
В том числе:		
топливно-энергетических	7235,5	927,6
прочих	1690,8	216,8
Обрабатывающие производства	775,8	99,4
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	929,1	119,1
Строительство	710,8	91,1
Торговля, ремонт автотрансп. средств и предметов лич. пользования	800,2	102,6
В том числе оптовая торговля	1794,0	230,0
Гостиницы и рестораны	423,0	54,2
Транспорт и связь	846,9	108,6
В том числе связь	1182,2	151,6
Финансовая деятельность	1938,3	248,5
Операции с недвижимостью, аренда...	1105,1	141,7
Государственное управление	901,0	115,5
Образование	277,1	35,5
Здравоохранение	429,7	55,1
Прочие услуги	332,9	42,7

Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Тыва, Республика Калмыкия, Республика Дагестан, Ивановская область, Республика Алтай, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Адыгея, Кировская область, Ставропольский край, Ал-

тайский край, Псковская область, Брянская область, Республика Марий-Эл, Чувашская Республика, Республика Бурятия, Республика Мордовия. Во всех этих субъектах есть сельское хозяйство, образование, здравоохранение, розничная торговля – отрасли с самыми низкими показателями добавленной стоимости на одного занятого, но ни в одном нет крупных эксплуатируемых месторождений полезных ископаемых, ни один из 18 аутсайдеров не является ни общероссийским, ни межрегиональным центром оптовой торговли, ни крупным транспортным узлом, ни один из них не является местом регистрации крупнейших корпораций. Везде есть какие-то обрабатывающие производства, но относительно низкодоходные, среди них нет крупных металлургических предприятий, нефтеперерабатывающих заводов, т.е. нет видов деятельности с высокими показателями добавленной стоимости (в нефтепереработке добавленная стоимость на занятого более чем в 18 раз превышает средний показатель по экономике).

Изменить специализацию регионы практически не в состоянии, т.е. они не в состоянии устранить главную причину очень низких душевых показателей. Точнее, первопричину, которая, в свою очередь, является также причиной понижения показателей добавленной стоимости и в относительно развитых отраслях. В частности, заработная плата учителей и врачей в регионах с высокими показателями добавленной стоимости выше, чем в регионах-аутсайдерах. Межрегиональные различия были бы заметно меньше, если бы работа всех бюджетников оплачивалась по принципу «равная плата за один и тот же труд». Но этот принцип применяется лишь для федеральных бюджетников, а для региональных, составляющих подавляющее большинство, пока сохраняется привязка уровня оплаты их труда к средней по региону.

С учетом изложенного выше можно констатировать, что сложившаяся, и очень большая, межрегиональная дифференциация в показателях душевого ВРП – это объективная закономерность современной экономики и таковой она останется и в отдаленной перспективе. Государственная политика выравнивания межрегиональных различий может лишь немного уменьшить эту дифференциацию. Составы «слаборазвитых» и «высокоразвитых», сформировавшиеся в 1990-х – начале 2000-х годов, останутся в основном прежними. Переход региона из одной

группы в другую, конечно, возможен, но как исключение, и он маловероятен. Если, например, построить в Ингушетии всего один завод, но крупный и нефтеперерабатывающий, то республика станет субъектом с повышенными показателями душевого ВРП. Но никто его там строить не будет – это невыгодно по критерию минимизации суммарных производственных и транспортных затрат. И головной офис Сбербанка не переедет из Москвы в Горно-Алтайск или Кызыл. И так далее.

Существенно уменьшить межрегиональные различия можно было бы, если регистрировать итоги экономической деятельности и, соответственно, доходы по месту фактического производства, транспортировки, хранения и реализации товаров и услуг. Но это не будет сделано: сложнее и дороже станет учет, а самое главное, произойдет расщепление финансовых ресурсов со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для осуществления крупных инвестиционных проектов. Маловероятен и хотя бы частичный возврат к советским стандартам в части межотраслевых и межпрофессиональных различий в уровнях оплаты труда. Не приходится также рассчитывать на возврат к прежнему ценообразованию, когда в основе цены (по крайней мере цены производителей) лежали отечественные затраты. Есть надежда на сокращение разрыва между рыночными ценами и ценами производителей, но лишь в отдельных видах деятельности, в частности в сельском хозяйстве – одной из немногих отраслей, где имеет место настоящая конкуренция даже на региональных рынках ввиду наличия большого числа независимых производителей. Но плата за это – низкие закупочные цены и большой разрыв между ними и рыночными ценами на сельхозпродукты и продукты их переработки. Объединение этих независимых сельхозпроизводителей хотя бы в ассоциации, возможно, приблизит закупочные цены к рыночным.

В заключение отметим, что при оценке межрегиональной дифференциации душевых ВРП необходимо учитывать, что в значительной мере это просто результат особенностей статистической регистрации экономических результатов. Прямой связи между показателями ВРП и теми ресурсами, которые остаются в распоряжении населения и субъектов экономической деятельности региона, нет. Кроме того, принятие ВРП в качестве самого главного макропоказателя – не самый лучший вариант для оценки и межрегиональных, и межотраслевых разли-

чий. Для любого бизнесмена, коммерсанта и для страны в целом главный показатель – это разность между результатами и затратами, а добавленная стоимость – это разность между результатом и частью затрат, не включающей капитальные, необходимые хотя бы для поддержания объемов производства на достигнутом уровне. Если бы вместо ВРП использовался чистый региональный продукт, т.е. ВРП за вычетом износа основного капитала, то межрегиональная дифференциация наверняка была бы меньшей. Насколько меньшей – по доступной статистике не определить, но она сократилась бы явно в пользу регионов-аутсайдеров, так как их экономика в среднем менее капиталоемкая и фондоемкая и, следовательно, по показателю износа основного капитала на душу населения они окажутся в более выигрышном положении. В равной степени это относится и к межотраслевым различиям в показателях результативности на одного занятого. Ежегодные инвестиции в топливно-энергетический комплекс составляют около 2 трлн руб. Большая их доля направлена на поддержание добычи на достигнутом уровне, и если их вычесть из добавленной стоимости ТЭК, итог уменьшится почти на четверть.

Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках приоритетного направления IX.87 (проект IX.87.1.4)

Список источников

1. Гранберг А.Г., Зайцева Ю.С. Межрегиональные экономические сопоставления: макроиндикаторы и комплексные оценки // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2007. – № 1 (46). – С. 45–57.
2. Гранберг А.Г., Зайцева Ю.С. Производство и использование валового регионального продукта: межрегиональные сопоставления. Статья 2: Корректировки ВРП с учетом территориальных различий покупательной способности денег // Российский экономический журнал. – 2002. – № 11-12. – С. 48–70.
3. Гранберг А.Г., Суслов В.И. Коалиционный анализ многорегиональных систем: методология, результаты анализа (СССР накануне распада). – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1993. – 63 с.
4. Коломак Е. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. – 2013. – № 2. – С. 132–150.
5. Коломак Е.А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. – 2014. – № 4. – С. 82–99.

6. Суслов В.И., Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М., Мельникова Л.В. Экономика федеральных округов России: сравнительный анализ // Регион: экономика и социология. – 2003. – № 4. – С. 47–63.

Информация об авторе

Ершов Юрий Семенович (Россия, Новосибирск) – старший научный сотрудник. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: erylus@mail.ru).

DOI: 10.15372/REG20160104

Region: Economics & Sociology, 2016, No. 1 (89), p. 82–107

Yu.S. Yershov

ECONOMIC COMPETITION BETWEEN RUSSIAN REGIONS

Since the beginning of market reforms in Russia, the spatial structure of its economy has been transforming much faster than it did in Soviet times. The article discusses the peculiarities of the period between 1999 and 2013 regarding formal (statistically registered on a current value basis) and real changes in the spatial structure of the economy calculated with quantum indices, differences in the spatial structure of employment, and the dynamics of power consumption. The author concludes that the real changes in the spatial structure of the economy are far less dramatic than the ones shown by statistics because the region where the results of economic activity are registered does not always coincide with the region where the actual product manufacturing and transportation take place. The article reveals another aspect of the problem: a very high interregional differentiation of GRP per capita. It is mainly caused by substantial discrepancies in value added per employee among industries. They cannot be eliminated; moreover, under the current unchangeable regional specialization, the existing interregional differences in per capita production rates will maintain in the long term.

Keywords: region, spatial structure of the economy, inter-regional differentiation, specified growth indicators, quantum indices, actual allocation of productive forces

*The research is prepared within the priority IX.87 (project No. IX.87.1.4)
according to the research plan of the IEIE SB RAS*

References

1. Granberg, A.G. & Yu.S. Zaytseva. (2007). Mezhhregionalnye ekonomicheskie sopostavleniya: makroindikatoriy i kompleksnyye otsenki [Interregional economic correlations: macroindicators and complex assessments]. Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda [Bulletin of the Russian Foundation for Humanities], 1 (46), 45–57.
2. Granberg, A.G. & Yu.S. Zaytseva. (2002). Proizvodstvo i ispolzovanie valovogo regionalnogo produkta: mezhhregionalnye sopostavleniya. Statya 2. Korrektirovki VRP s uchetom territorialnykh razlichiy pokupatelnoy sposobnosti deneg [Production and use of gross regional product: inter-regional comparisons. Article 2. Adjustments of GRP according to spatial differences in purchasing power of money.]. Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian Economic Journal], 11-12, 48–70.
3. Granberg, A.G. & V.I. Suslov. (1993). Koalitsionnyy analiz mnogoregionalnykh sistem: metodologiya, rezultaty analiza (SSSR nakanune raspada) [Coalition Analysis of Multiregional Systems: Methodology, Analysis Results (The USSR before Its Collapse)]. Novosibirsk, IEOPP SO RAN [Institute of Economics and Industrial Engineering], 63.
4. Kolomak, Ye. (2013). Neravnomernoe prostranstvennoe razvitie v Rossii: obyasneniya novoy ekonomicheskoy geografii [Uneven Spatial Development in Russia: Explanations of New Economic Geography]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 2, 132–150.
5. Kolomak, Ye.A. (2014). Prostranstvennaya kontsentratsiya ekonomicheskoy aktivnosti v Rossii [Spatial Concentration of Economic Activity in Russia]. Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics], 4, 82–99.
6. Suslov, V.I., Yu.S. Yershov, N.M. Ibragimov & L.V. Melnikova. (2003). Ekonomika federalnykh okrugov Rossii: sravnitelnyy analiz [The economy of federal districts: comparative analysis]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4, 47–63.

Information about the author

Yershov, Yuriy Semenovich (Novosibirsk, Russia) – Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev Av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: eryus@mail.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 09.11.2015 г.